

Ирма Зарецкая

Родилась в Донецке. По образованию журналист. Публиковалась в журналах «Топос», «Другие люди», «Darker», «Перископ», «Нева» и др. В журнале «Алтай» печатается впервые. Живет в Донецке.

ЛЕСТНИЦА

Зоя и Костя в разводе.

Это придумала Зоя, чтобы он ее не убил.

Костя не умеет читать сыну сказки. Ближе к обеду Лёлика привозят через субботу на побывку, забирают после шести в воскресенье. Если сын ночует с ним, Костя не пьет. Вместе они жарят пельмени, делают пирог из бутербродов, смотрят, пока не сморит сон, «Властилина колец». Мимоходом Костя может спросить: «Как дела, малой? Никто не обижает?» Лёлик ответит: «Всё хорошо».

Когда сын на фильме зевает, Костя знает — сейчас самое время спросить о другом:

— К маме кто-нибудь приходит?

Сын всегда удивляется:

— Кто?

— Ну, дядя какой-нибудь.

— Нет.

— Ну, хорошо. Я буду стелить.

Это не пришло однажды. Зоя не досталась Косте покладистой и спокойной: повышала голос, стоило сделать что-то не так, плакала без причины, обижалась на шутки, вольности пищеварения. Запрещала, когда бросала, курить в квартире. Выпив, увлеченно рассказывала о том, что в роду ее были ворожеи и сама она в точности знает, кто и когда умрет, и лишь про себя ничего не видит. Могла испугаться мотылька на стене, гула из слива, попрошайки возле магазина, одуревшего от жары воробья. Напоминала о том, чтобы Костя чистил зубы и мыл руки, не доверяла загружать стиральную машину, пополняла его телефон. Недовольство росло из мелочей, претензий, «хочу», помноженных на «ты должен» и возведенных в абсолют — «А я что тебе говорила».

После свадьбы Зоя разучилась нормально спать. Бывало, не спала по пять-шесть ночей подряд. Даже дыхание спящего рядом казалось слишком громким. А днем, наоборот, изображала мертвую царевну, которую не хотелось целовать. Ей казалось, что взрывается ее голова, слышащая всех и каждого. Даже тех, кто молчит, счастлив или просто спит. В сумерки, если Кости не было рядом, Зоя боялась оставаться одна, сидела с включенным во всех комнатах светом, не давала себе задремать с книгой. А если забывалась, просыпалась со свежим кошмаром, готовя новый скандал. Наоравшись, становилась тихой, слабой, маловесной, просила лечь с ней в постель.

Убаюканной виделось многое: маршрутка с людьми, застывшими в неживых позах, машины без стекол, лопнувшие сетки с луком и картошкой, кровь смешивается на асфальте с лужами кефира и молока, Кола, взрываясь — шипит, разлетаются гривны. В такой солнечный день небо падает прямо на тебя. Стекла хрустят. Женщина без ног, не отпуская руку лежащего рядом мужчины, тоже безногого, просит: «Родненькие, дайте спокойно умереть. Обезбольте».

Они все еще спят. Взрыв застигает на рассвете. Их предупредили, что нужно уезжать из города. Позже не выпустят. В квартире сверху оборудована огневая точка. Искра попадает на занавеску, пламя разгорается быстро. Квартира выгорает до черноты. Они спускаются в подвал. Не нужно было этого делать. Теперь они в ловушке. Люди кричат, пытаются выбраться, но вход

завален. Сверху слышны голоса. Под завалами плачет ребенок. Она радуется, что у них нет детей.

Вода течет свободно из крана, вода набирается в ванну, закипает чайник, булькает суп, жарятся котлеты. Когда сошел последний снег, соседи построили ливневку. Все вместе поют: «Вода на камень, а дождь на поле! С неведомой горы камень, с невидимой кручи дождь! Гой!»

Проснувшись, Зоя не может понять, где она. Почему стены незнакомые. Почему она ночует в палатке и на ней верхняя одежда? Почему рядом столько раскладушек? Кто это так противно храпит?

В одном недосмотренном сне она не могла найти дорогу назад, не вспомнила, где жила. В другом — опаздывала на поезд, идущий вместо Питера в Краснодар, а оказалась где-то под Харьковом.

Ей снились докучливые родственники; съедаемые саркомой политики; расхристанные батюшки; крещеные колдуны; обманутые шулеры; гигантские клоуны; разделанные страусы; голодные тигры и агрессивные еноты; почерневшие люди в подвалах, просившие пить; женщина со свастикой на животе.

На общих фотоснимках, в обнимку, с воздушными поцелуями, со сливовым вареньем, долмой и попкорном, в очереди за гуманитаркой, с тележками из супермаркета: намаженные травести; извлеченные из поезда с мертвыми утки-мандаринки; лестницы, ведущие не вверх; города без людей и машин; холодильник и плита, уходящие под землю вместе с обитателями убежища; пол церкви, на котором спят взрослые и дети; серо-черный театр с опаленными афишами; брошенные бэтээры.

Тут же мешались дневные разговоры, чеки, слизи в кукольных головах, яичная скорлупа в земле за оградкой, мутная зеленая вода в баклажках, девочка-балерина в трагично-нелепой позе, мины, так похожие на елочные игрушки.

Когда таблетки делали свое дело, а Зоино тело больше не страдало, Костя ложился с ней и брал то, что ему полагалось. И судя по ее, какой-то особенно блаженной улыбке, она не возражала.

Бывали дни покоя, без истерик и слез, расколотых сервизов, поправленных брачных клятв, родовых проклятий. Зоя, никогда серьезно не работавшая до замужества (что-то там продавала в интернете), хлопотала по дому: убирала, готовила, стирала.

Делала это расторопно, без своей сонной дури, не вспоминала про открытые окна, обрушенные лестницы, верхние этажи, мокрые в пене перила, оборванные провода, тела, завернутые в покрывала, гробы из комодных полок, кресты в палисаднике.

В эти дни ее тишины нужно было быть еще осторожней. Жена внимательно наблюдала за тем, как Костя жует свой завтрак-обед-ужин, будто подсыпала ему нокзал. Стоило едва царапнуть вилкой — дергалась, прикрывала ладонями уши, срывалась на маты и крик. И всё начиналось сначала.

На Новый год, когда всё вокруг иллюминировало, бахало, стрекотало и взрывалось, Зоя ночевала одетая в ванной, положив под голову сумку с документами и деньгами. Пополняла запасы консервов и круп. Не ходила на площадь к главной елке, потому что там было еще больше петард, фейерверков, бенгальских огней, пробок от шампанского и криков «Ура!».

В глазах немногочисленных друзей и знакомых они стали жуткими домоседами: никого не звали к себе, отказывались от приглашений, отменили несколько поездок. Отсутствие досуга и нехватку общения с живыми людьми Зоя компенсировала пятничной выпивкой, вкусной едой и регулярным сексом. Потом, никого не спросив, забеременела.

Зоя научилась спать, где и как придется, есть с большим аппетитом, безукоризненно выполнять предписания врача. Не просила вкусностей. Не плакала и не кричала, даже когда был повод — потому что это могло навредить ребенку. Не помнила, что ей снится. Ушла вся в свой живот. Разрешилась тем погожим октябрьским утром очень легко.

У Кости отлегло от сердца. Он был уверен, что дурь к жене не вернется. Когда нет времени на лишний поход в туалет или кружку чая, когда пять минут тишины — уже радость, а выпитый набегу кофе из автомата — праздник, зачем бояться замерших в парке роботов, падающих на пол кастрюль и шуршащих пакетов.

Вывел Зою из дзэна брат. Звонил, взяв воображаемую высоту, предупреждая, что на земле, оккупированной агрессором, ей и ее выродку не спастись. Зоя разбила телефон, вспомнила, что может кричать во всю глотку, но бояться писка Telegram-бота.

Чтобы не оцарапать сына, Зоя срезала под корень все ногти — на руках и ногах. Делала это каждый день. Когда срезать уже было нечего — она прошлась лезвием по пучкам пальцев. Увлеклась до крови. Остановили ее звон будильника — пришло время кормления сына — и собственный крик. Костя вырвал ножницы, выкрутил руку с искалеченными пальцами за спину, придавил Зою к полу, лишил дыхания, а когда она, отсмеявшись, откричавшись, затихла, испугался сам. Потому что она и правда не дышала. Даже губы посинели. Лёлик в это время просто спал.

Во второй раз Костя ударил жену, когда она сбросила детскую коляску в пролет лестницы, желая проверить — умеют ли ангелы летать. К счастью, внутри был лишь пустой голубой конверт.

В третий — услышав, как она напевает сыну: «Баю-бай, да люли, хоть сегодня умри. Сколочу тебе гробок из комодных досок, спущу по лестнице в ад, сатана будет рад». Он взял клетчатую прихватку и надавал ей по губам. А она все равно что-то гудела себе под нос, а в глазах смешинки. Что удивило — как она совершенно спокойно сказала:

— Еще раз тронешь меня хоть пальцем, выпью белизны и напою твоего сыночка самым беленьким в мире молочком.

И присмирела. Стала хорошей женой и матерью ровно на полгода. Новый приступ случился на эскалаторе. В городе, где не стреляли. Зоя увидела ползущую ленту, на которой вперемешку лежали бетонные и гипсовые головы, автономера, камуфляжная форма, разобранные автоматы, гранаты без запала, переплавленные из рядов розы, черные пакеты. Костя извинялся перед чужими людьми, закрывал Зоин рот, а она все равно кричала про маленькую лестницу, пластиковую птичку и главного мясника, который никогда не спит. Дома бесы овладели Костей, он запер сына в ванной и принудил к мультикам. Сначала хотел только поговорить, вразумить, убедить Зою лечь в больницу. Потом угрожал разводом, дуркой, лишением родительских прав. Костя сломал жене нос, левое запястье, два ребра. Хотел зашить и рот, проткнуть цыганской иглой язык, чтобы она просто успокоилась и замолчала.

С утра Зоя вызвала скорую, назвала себя неуклюжей коровой, объяснила: мол, муж мне запрещал, а я не послушалась — полезла на стремянку и упала.

— Падали носом? — и бровью не повел доктор.

— Ага.

— Не делайте так больше.

— Уж теперь научена — не буду.

Запах белизны Костя почувствовал еще в подъезде. Химические лужи были в прихожей, гостиной и смежной спальне. Хлоркой были политы цветы, кухонный и письменный стол, шкаф-купе, книжные полки, плита с кастрюлями и сковородками, домашний кинотеатр, столик для кормления и горшок. Зоя принимала вместе с сыном ванну, держала гипсовой рукой бокал с чем-то прозрачным. Костя выбил ногой бокал, в котором был вермут.

— Клянись богом. Я тебя убью! Убью!

Зоя опять сказала совершенно спокойно и трезво:

— Не надо. Давай просто разведемся. Без дураков только.

Яков явился Косте, приняв облик кавказца Жорика. Его магазин накрыло «Ураганом» вместе со всеми, кто там был. Он продал ему филейных сосисок, берестовых огурцов, сметаны и кефира, свиной шеи и бычков. Взял в качестве платы слово, что Костя поступит как мужик.

Доктор подтвердил очевидное: болезнь прогрессирует, дальше будет только хуже, но выход есть. Зоя провела месяц в санатории, Костя взял отпуск по уходу, тоже решил отдохнуть от всего. Лицо Зои опухло от утомительного сна, в котором она постоянно находилась. А тело стало еще более податливым и обширным. Она перестала включать ультразвук, смеяться невпопад, видеть выжженные свастики, дома с оторванными крышами, черные руки, тянущиеся к белому хлебу, угоревших от дыма собак, бабушек с красными знаменами, девочек, лежащих в непристойных позах посреди бульвара, женщин, накрытых бордовыми отельными портьерами.

Ближе к границе. В глубоком тылу. В очередной съемной, на данный момент безопасной и обеспеченной водой квартире, когда сын не требовал внимания, а до уборки-готовки оставалось еще какое-то время, Зоя мастерила лестницы из цветной бумаги и спичечных коробков.

«Точка-У» убила родителей Зои, когда они снимали пенсию в банкомате. В центре города. В самый обычный будний день.

Март, разделенный надвое, принес очень много смертей. Новость застигла Зою в дороге, сосед в маршрутке очень громко смотрел прямое включение, но до конца не верил. Зоя сначала тоже не поверила, а потом захотела стать той девушкой, рыдающей над трупом дедушки или отца.

У Зои сломался предохранитель. Она орала на Костю и Лёлика, что именно из-за них она не была в тяжелое время с родными, предала, струсил, сбежала. Посчитала, что ее жизнь и жизнь ребенка важнее. И он, Костя, обманным путем тогда уехал в эвакуацию, ходил в кабаки и кинотеатры, нажирался как свинья весь тот месяц, хотя все настоящие мужики остались и пошли служить. Костя держал лицо Зои над горящей конфоркой, приговаривая: «Всё исцеляется огнем». Этот спектакль они смотрели вместе до войны. Лёлик схватил железную кружку, бросил в отца, попал ему в плечо.

— Не трогай мою маму! Ты скот!

Это рассмешило Зою, в семье Костю все называли Котом.

После похорон Зоя сама подала на развод.

Чтобы хватало на оплату второй квартиры, Костя не упускал ни одной шабашки, брался за любую работу. Перебивался чем мог, но вида не подавал. Деньги улетали, Зоя завышала требования, сын вырастал из старых вещей. Но когда он эти деньги считал?

По правде, на окраину так и не ставшего родным города Костя просто сбежал. Думал, что на новом месте не заявит о себе тот, кто на старом жить мешал. В доме никогда не работал лифт, и приходилось подниматься на седьмой по лестнице. На четвертом дыхалка давала сбой. Потому что мало спал и ходил пешком, но много ел, пил и курил.

С Вадькой, напарником по шахте, у них совпадали ночные смены. С утра они, наскоро отмывшись и перекусив остатками тормозков, выходили за две остановки до своей, шли к киоску, покупали чекушку на двоих, обманываясь, что этого хватит. Продолжали уже дома, каждый по отдельности.

Аварии были не редкость и в мирное время. А в войну — всё чаще. Просидеть под землей лишних три-четыре часа из-за того, что шахта обесточена, — обычное дело. Но в тот день передрыга

была серьезная — рванул метан. После очередного взрыва, Костя подхватил Вадьку и потащил на себе. У того была вывернута нога и торчала кость.

Вадька перед сменой рассказывал про новый спиннинг, который он купил за все деньги мира, и дочку, накачавшую губы, интересно, на какие шиши. «Трахаются с мужиками, а врет, что нет». До этого не было от него таких откровений.

Костя не помнил, как потерял сознание, не помнил, как в темноте наощупь снял маску с кого-то, кто уже не дышал. Раздались еще взрывы, рухнула кровля. Очнулся Костя в больнице. Полгода не мог курить, от любого физического усилия кружилась голова, давление скакало.

Вадька пришел, когда его не ждали. Когда они еще более-менее ладили с женой. Сидел в кресле, щелкал пультом по экрану. Ничего не говорил. Костя спросил у знающих, те утешили: «Задолжал ты ему». Сразу не понял: что задолжал? Жизнь.

Когда родился сын, Вадька стал являться чаще. Теперь подходил к манежу, смотрел на Лёлика. Долго так стоял и смотрел. По-прежнему ничего не говорил. Костя жрал баклосан вместо аспирина, но боль не отпускала. А Зоя, чувствуя настроение мужа, становилась истеричней, чёрноротей, невыносимей. Придумала, что он с ней не спит, потому что нашел себе кого-то или допился и у него не стоит. Но такую Зою легче было обмануть, отвлечь от того, что женщина прозорливей разглядела бы сразу и бежала бы, бежала.

Вадька, не выдержав криков и скандалов, заговорил:

— Как ты с ней живешь? Она же истеричка! И тебя как мужика не уважает. Проучи ее — не приди ночевать, а дверь снаружи запири. Явись под утро. Пусть почувствует, кто в доме хозяин.

Но Костя так и не сумел взрастить в себе деспота. Они уже и не жили вместе, но как будто жили. Приходил, приносил продукты, чинил что-то там по дому, выслушивал претензии, играл с сыном. Но что хорошо — мог в любой момент послать Зою, не думая, что это ее ранит. Мог и женщину завести. Но зачем?

А запереть Зою действительно пришлось. По всему городу были рассыпаны мины-лепестки. У наступивших на них отрывало ступни. Находились и те, кто, дразня удачу, брал мины в руки,

приносил домой, коллекционировал, пытался разобрать. «Мамкины саперы» взрывали их при помощи кирпичей и покрышек или собирали лопатой, кидали в костер, будто осеннюю листву. Работы у хирургов было много.

Костя просил Зою без лишней надобности не выходить на улицу. Она упрямилась, а точнее — просто делала назло.

— Нечего распорядиться! Ты мне не муж!

Легче было сделать по-своему, чем спорить. Замок был хитрый, гаражный: если закрыть снаружи, тому, кто внутри — не выбраться.

То, что она заперта, Зоя поняла лишь к середине следующего дня: молоко в кастрюльке превратилось в творог, каши из него не сварить, из овощей — два уставших помидора, надоевшая курица, овсяное печенье.

Зоя накинула ветровку, обулась... И началось. Нарастающий звук. Прилеты. Прилеты. С жужжанием свист. Зоя выкручивала верхний замок, стучала в стену соседям, хотя знала, что никого там нет — съехали после последнего обстрела. Внизу доживала век глухая неразговорчивая бабка. Зоя соображала, что делать, куда звонить. И зачем из экономии они отключили домашний? Полоски сети то исчезали, то появлялись, шли короткие гудки.

— Костя, урод ты сраный! Какой же ты тупой! Идиот! Лёша, сынок, просыпайся. Вставай. Скорее! Не спи ты. Только возьми трубку, я тебе яйца оторву!

Лёлика всегда смешило, как мама ругается. Ребенок войны, просыпавшийся и засыпавший под бахи, быстро, как по команде, переместился в ванную. Здесь он часто спал, делал уроки, ел, скучал, смотрел мультфильмы и кино на стареньком, тормозящем смартфоне. Мама никогда не разрешала брать с собой купленный к школе ноутбук, говорила, что от сырости испортится. Лёлик не понимал, почему она жадничает, ведь здесь не было сыро. Воду давали раз в два дня и то — в подвальные краны. Она — в баках, баклажках, бутылках, кастрюлях, где угодно, но не в ванной. Эта комната была их домашним убежищем.

— Попали, попали! — завизжала Зоя. Это посыпались стекла у живущих ниже. Дробные, не очень громкие, но какие-то особенно противные звуки. Сработала сигнализация,

вырубился свет, но это не пугало — до сумерек было далеко. Мощные хлопки.

— Слава богу, ПВО, — сказала Зоя. Вспомнила, что на кухне окно открыто не полностью, а на проветривание — взрывная волна могла вышибить его. Так было в прошлый раз, хватит с них — уже меняли стеклопакеты. Она зашла на кухню, быстро повернула ручку. Пробыла там какие-то секунды. Двор озарили сполохи. Зоя зажмурилась, когда полетели осколки, не поняла, как оказалась на полу, перевернулась на живот, охрипшая, окликнула сына. Думала, что ползет под стол, но поняла, что летит. Ища опоры, хваталась за воздух. Будто оступившись на лестнице, покатилась куда-то вниз. Раздались новые залпы. Зоя дрогнула. Обмякла. Стала невесомой.

На самом деле, она так и не покинула пределы квартиры. Преодолевая боль, не слыша, но чувствуя детский плач, поползла до ванной, но не могла встать, чтобы открыть дверь. Она бы и не открыла ее, даже если бы очень захотела. Дверь вырвало, она стояла теперь перпендикулярно, перекрытие тоже не выдержало. В ванной под обломками, осколками стекла, кафеля, грудой кирпичей, придавленный трубой лежал Лёлик.

Ни один таксист не хотел ехать в зону обстрела. Костя трусцой бежал мимо суесящихся военных и мечущих молнии корреспондентов. Несколько раз его пытались удержать, но он вырывался.

— Нельзя тебе туда, мужик. погоди! Ты чё такой упертый?! Бессмертный, что ли?

— У меня там жена и сын!

Снова вспышка. Столб дыма и рыжей пыли. Прежде, чем звук взрыва дошел до них, худющий пацан, экипированный по последнему писку, ботаник в чужой шкуре, неожиданно сделал Косте подсечку, накрыл его собой.

А потом всё стихло. Обгоняя друг друга, поехали машины. Восславили смерть сирены скорых. Костя никогда не видел столько пожарных.

— Знаешь, мне теперь только и снится эта лестница, по которой мы спускались в подвал.

— Знаешь, мне теперь только и снится эта лестница, по которой меня поднимали.

Яков скажет Зое:

— Бог простил тебя, девочка. Бог любит тебя. Он милосерден. Да будет так, если сама себе веришь.

Не дожидаясь девятого дня, Костя записался добровольцем и ушел на фронт.